

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2019

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 9 (83) Том 10 - Внешние связи Восточной Европы в
Древности и раннем Средневековье. 2019

Германские репарации после Второй мировой войны: политические решения и экономические оценки

Болдырев Р. Ю.

*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
Российская Федерация, Архангельск*

Невский С. И.

*МГУ им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, Москва*

Плюмпе В.

*Университет имени Гёте
Германия, Франкфурт-на-Майне*

Аннотация

В данной статье на основе рассекреченных архивных документов и новейших отечественных и зарубежных исследований авторы рассматривают генезис, развитие и результаты репарационной политики союзников в отношении Германии. История института репараций прослеживается от самого зарождения в рамках подготовки Версальского мирного договора 1919 г., через разработку предложений экспертов и политические дискуссии внутри «большой тройки» периода Второй мировой войны до формального закрепления в итоговых документах Ялтинской и Потсдамской конференций 1945 г. Авторы анализируют процесс осуществления репарационной политики Советским Союзом и западными державами в послевоенный период, выявляют различия практических подходов к реализации Потсдамских соглашений между ними. Экономические оценки объемов советских репараций из Восточной Германии колеблются в диапазоне от 4,3 до 22,1 млрд долларов, что связано с разными методиками подсчетов, а также произвольным отнесением тех или иных статей расходов к категории репараций. Сумма репараций из Западной Германии также варьируется от 4,8 до 16,8 млрд долларов, к которым западные экономисты склонны прибавлять последующие компенсационные выплаты Израилю и другим странам по международным договорам, а также

индивидуальные компенсации общим объемом 17 млрд долларов. Авторы приходят к выводу, что если в ФРГ репарации не затронули системообразующие отрасли экономики и почти не отразились на капиталовооруженности промышленности, то в ГДР основной удар они нанесли как раз по базовым отраслям производства. В связи с этим восстановление экономики Восточной Германии в 1950-е гг. выглядит более удивительным, чем послевоенное «экономическое чудо» в ФРГ.

Ключевые слова: Германия, германский вопрос, репарации, послевоенное восстановление, экономическая политика

Дата публикации: 15.11.2019

Ссылка для цитирования:

Болдырев Р. Ю. , Невский С. И. , Плюмпе В. Германские репарации после Второй мировой войны: политические решения и экономические оценки // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 9 (83) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840007700-9-1/> (дата обращения: 31.12.2019). DOI: 10.18254/S207987840007700-9

¹ После завершения летом 1994 г. вывода российских войск из Германии в Российской Федерации начался процесс рассекречивания документов, связанных с решением германского вопроса в послевоенные годы. Изучение истории Советской военной администрации в Германии (СВАГ) было названо одним из приоритетов Совместной российско-германской комиссии историков, а публикация документов СВАГ — совместным проектом Государственного архива Российской Федерации и Федерального архива ФРГ. В 1994—2018 гг. появились публикации источников и исследований по истории оккупационной политики в Германии. Одной из самых важных тем исследований стало изучение эволюции социально-экономической системы Германии. В 1990—2000-е гг. появились работы, посвященные анализу экономического положения в послевоенной Германии, экономическим реформам в советской и западных оккупационных зонах, денежным реформам 1948 г., переходу к централизованной плановой (на востоке) и социальной рыночной (на западе) экономике [Коваль, 1997; Невский, 2008; Болдырев, Невский, 2014; Невский, 2015; Болдырев, 2015(b); Ciesla, 2006]. Однако проблема германских репараций осталась вне поля зрения большинства историков-экономистов.

² «Советская репарационная политика до сих пор остается в тени», — написал в 1995 г. немецкий исследователь Йохан Лауфер [Laufer, 1995. S. 21]. Дискуссия по проблемам репараций развернулась в западной историографии в 1990-е гг.: историки спорили о размерах репарационных платежей [Matschke, 1988; Fisch, 1992; Karlsch, 1993(a); Baar, Karlsch, Matschke, 1993; Karlsch, 1993(b); Karlsch, Laufer, 2002; Karlsch, 2007], о значении так называемых «интеллектуальных репараций» [Gimbel, 1990; Albrecht u.a., 1992; Ciesla, 1993], о целях и задачах репарационной политики [Laufer, 1995; Karlsch, Ciesla, 1999; Ciesla, 2006; Laufer, 1999; Plumpe, 1999]. Новые источники, ставшие доступными после объединения Германии, позволили немецким исследователям впервые на документальной основе обратиться к полноценному изучению последствий Второй мировой войны для Германии. Однако имеющиеся в немецких архивах данные оказались достаточно отрывочными и противоречивыми. Это было связано с тем, что решение репарационных вопросов в отношении Восточной Германии находилось в компетенции не немецких, а советских оккупационных властей. К сожалению, процесс рассекречивания документов бывших советских архивов лишь

частично затронул тему репараций; доступными для исследователей стали материалы, преимущественно связанные с репарациями из текущего производства. В сборниках документов опубликована лишь дипломатическая переписка по репарационному вопросу, а также документы, касающиеся изучения советскими специалистами достижений немецкой науки и техники. Видимо этим объясняется и небольшое количество публикаций отечественных историков-экономистов по данной теме [Кнышевский, 1994; Болдырев, 2009(с); Болдырев, Невский, Плюмпе, 2016; Болдырев, Невский, 2017].

3 Данная статья посвящена малоизвестным российскому читателю аспектам генезиса концепции, практической реализации, а также экономическим оценкам итогов союзнической репарационной политики в отношении Германии после Второй мировой войны. Авторы концентрируют внимание на следующих вопросах: сначала кратко рассматривается предыстория происхождения института репараций, после чего внимание фокусируется на обсуждении вопроса репараций в годы Второй мировой войны и на специфике реализации репарационной политики союзническими державами в послевоенный период. В заключении подводятся итоги репарационной политики в отношении Восточной и Западной Германии с точки зрения ее геополитического значения, а также ее экономических результатов и последствий.

4

1. К истории вопроса происхождения института репараций

Контрибуции как обязанность проигравшего возместить военные расходы победителю существовали еще с древнейших времен и стали устойчивым компонентом международного военного права. Последний раз в европейской практике они взыскивались Германией с Франции после окончания Франко-прусской войны 1870—1871 гг. Как известно, по Франкфуртскому мирному договору от 10 мая 1871 г. Франция как проигравшая держава должна была выплатить Германии как победителю 5 млрд франков золотом или иностранными ценными бумагами [Deutsches Reichsgesetzblatt, 1871. S. 223—224]. Однако начиная с Первой мировой войны в международное право было введено существенное изменение: с тех пор речь шла не о контрибуции, а о возмещении материального ущерба пострадавшим от войны странам и, тем самым, об искуплении вины агрессора. Статьи 227—230 Версальского мирного договора возлагали на кайзера Вильгельма II и германское правительство персональную ответственность за развязывание войны и нарушение международной морали. Из этой ответственности вытекала обязанность Германии возместить причиненный другим странам ущерб (в соответствии с этим принципом Германия должна была заплатить, даже если бы она победила в войне)¹. Зафиксированная в Версальском договоре статья о вине за развязывание войны и вытекающая из нее обязанность компенсации общего (не установленного в точном количественном выражении) ущерба стала переломным моментом в истории международного военного права².

5 Неудачный опыт репараций в межвоенный период и крах Версальской системы заставили державы «большой тройки» пересмотреть свое отношение к репарационной проблеме в годы Второй мировой войны, задуматься о снижении размеров компенсаций с учетом платежеспособности Германии, более тщательно продумывать способы контроля за взиманием репараций. Так, в частности, Великобритания настаивала на максимальном сокращении репарационных выплат и переводе их из денежного в натуральный формат. США в целом соглашались с необходимостью взыскания репараций с Германии в большем объеме, но преимущественно в форме демонтажа и поставок готовой продукции. Что касается Советского Союза, то он был вынужден учитывать совсем другой опыт репараций 1920-х гг.: во-первых, Германия в очередной раз могла бы саботировать денежные выплаты, ссылаясь на

трудное экономическое положение, а во-вторых, западные союзники, исходя из своих геополитических и финансово-экономических интересов, могли солидаризоваться с немцами, бросив «на произвол судьбы» СССР. Поэтому СССР, понесший наибольший ущерб от Второй мировой войны, с самого начала настаивал на максимально возможном размере возмещения и, прежде всего, в материальной форме: в виде демонтажа промышленного оборудования, поставок готовой продукции, использования немецкой рабочей силы³.

6 Так или иначе, после 1945 г. репарации стали исключительно делом победителей и основывались на принципе полного подчинения побежденного в войне противника. Это отчасти решало проблему контроля, однако оставляло открытым вопрос о форме и размерах германских выплат. После Второй мировой войны главный акцент при возмещении ущерба предполагалось сделать именно на натуральной форме репараций, что предполагало: компенсацию оккупационных расходов, демонтаж промышленного оборудования, конфискацию германского имущества за рубежом, поставки из текущего производства, использование немецких трудовых ресурсов и передачу интеллектуальной собственности в пользу стран-победительниц [Baar, Karlsch, Matschke, 1993. S. 9].

7 Именно эти вопросы определяли планы и решения союзников в первые послевоенные годы.

8

2. Обсуждение вопроса репараций в годы Второй мировой войны

Обсуждение вопроса о репарациях с Германии и ее сателлитов началось задолго до того, как войска союзников вступили на территорию Третьего рейха. Впервые вопрос о репарациях был поднят в сентябре 1941 г. правительством Нидерландов, находившемся в эмиграции. Реакция Советского Союза не заставила себя ждать: уже 28 сентября 1941 г. Сталин запросил по вопросу о репарациях посла США в СССР Аврелла Гарримана и британского министра запасов и снабжения Уильяма Бивербрука, находившегося в то время с визитом в Москве, но получил от обоих уклончивый ответ [Karlsch, 1993(a). S. 16]⁴.

9 В ноябре 1942 г. в Великобритании была создана репарационная комиссия под руководством Уильяма Малкина⁵. К концу августа 1943 г. она подготовила первый официальный документ по этой теме. Автором ключевых идей был британский экономист Джон Мэйнард Кейнс (который еще в 1920-е гг. критически высказывался по вопросу репараций)⁶. По мнению комиссии, сразу после окончания войны с Германии не должны были взиматься слишком высокие репарации. Компенсация причиненного ущерба предусматривалась в трех формах: 1) в виде использования немецкой рабочей силы (с привлечением до 3 млн человек в течение трех лет); 2) за счет демонтажа части промышленного потенциала, прежде всего военного; 3) путем изъятия продукции из текущего производства в течение пяти лет. При этом точный размер германских репарационных обязательств не назывался (во внутренних документах фигурировала цифра в 4 млрд долларов США). Неудивительно, что споры относительно размеров репараций не прекращались. Кейнс в декабре 1942 г. определял максимальную сумму возмещения ущерба в 6 млрд долларов (в ценах 1938 г.), которую Германия должна была бы выплачивать в течение пяти лет (из них 50—70 % в пользу СССР). По истечении этого срока она должна была перечислять 10—25 % своих доходов от экспорта в качестве «вклада в защиту мира» [Fisch, 1992. S. 42]. Такой вариант устраивал Великобританию, получившую не самые большие разрушения, а, следовательно, не имевшую права претендовать на крупные репарации. Таким образом британцы отдавали предпочтение такой репарационной политике, которая сохраняла бы существенную часть экономической свободы Германии, необходимой для ее послевоенного

восстановления [Bracher, Jacobsen, 1987. S. 172—182]⁷.

10 В августе 1943 г. при Народном комиссариате иностранных дел СССР была создана специальная Комиссия по репарациям под руководством Ивана Михайловича Майского (ранее занимавшего пост посла СССР в Великобритании)⁸. В октябре 1943 г. через неофициальные каналы Советский Союз заявил о необходимости конфискации немецкой собственности за границей, демонтажа промышленных предприятий и изъятия части производимой в Германии продукции. Академик Евгений Самуилович Варга оценил общую сумму ущерба, причиненного войной СССР, от 800 млрд до 1 трлн золотых рублей [Варга, 1943; Baar, Karlsch, Matschke, 1993. S. 11—12; Laufer, 1995. S. 22ff.]. Стало ясно, что целью СССР является максимальный вывоз имущества из побежденных стран в как можно более короткий срок [Karlsch, 1993(a). S. 17].

11 На Московской встрече министров иностранных дел в октябре 1943 г. было решено передать рассмотрение всех спорных вопросов о послевоенном устройстве Германии специально созданной Европейской консультативной комиссии (ЕКК — *European Advisory Commission*)⁹. Комиссия была уполномочена заниматься и выработкой репарационного плана (ЕКК заседала около года в Лондоне, начиная с января 1944 г.)¹⁰. То, что «большая тройка» делегировала выработку решений по репарационному вопросу ЕКК, отражало недостаточно ясное видение концепции репараций самими державами.

12 В США дискуссии по обсуждаемому вопросу велись в Управлении по внешнеэкономической деятельности — «совещательном штабе» при министерстве иностранных дел. Изначально американскими экспертами рассматривались суммы в пределах 10—50 млрд долларов. Весной 1944 г. остановились на сумме 37 млрд долларов с постепенной выплатой в течение 12 лет (в качестве альтернативы была предложена возможность выплаты 14 млрд долларов, но за более короткий срок). Осенью 1944 г. специалисты Управления по внешнеэкономической деятельности, опираясь на данные о немецких военных расходах в 1938 г., предположили, что Германия в состоянии заплатить более 200 млрд долларов в течение 12—15 лет (после покрытия расходов на оккупацию и финансирования импорта), однако это предложение было отвергнуто, как непомерно завышенное [Backer, 1981. S. 33ff.]¹¹. Часть репараций предполагалось возместить за счет иностранных активов и демонтажа оборудования. Основной же объем обязательств мог быть покрыт за счет изъятий из действующего производства. В Вашингтоне думали о том, чтобы смягчить деструктивные для мировой экономики последствия репараций: германская промышленность должна была работать на послевоенное восстановление Европы [Karlsch, 1993(a). S. 18]. Другой неназываемой вслух причиной взимания репараций в виде поставок готовой продукции было стремление не допустить увеличения советского промышленного потенциала за счет немецкого, сохранить производство в Германии под межсоюзным (или американским) контролем¹².

13 Более или менее развернутая концепция советской репарационной программы появилась в конце июля 1944 г. Главным лейтмотивом этой программы, сформулированной в записке заместителя наркома иностранных дел СССР Майского Молотову, была задача как можно скорейшего восстановления СССР и сведение к крайнему минимуму военного потенциала Германии. Ввиду явного дисбаланса между ущербом, причиненным войной СССР (Майский оценивал его в 140 млрд долларов), и платежеспособностью Германии (послевоенное национальное богатство которой, по его подсчетам, могло составлять 80—85 млрд долларов), предполагалось двукратно снизить уровень жизни в Германии, а оставшиеся материальные ресурсы направить в репарационный фонд для покрытия ущерба. В частности, предусматривались единовременные изъятия в натуральной форме в размере 17 млрд долларов, а также ежегодные поставки продукции на общую сумму в 6 млрд долларов

(в течение 10 лет); еще 35—40 млрд долларов предполагалось возместить за счет эксплуатации немецких трудовых ресурсов (5 млн человек) [СССР и германский вопрос, 1996. С. 506—516].

14 В декабре 1944 г. с учетом результатов деятельности Комиссии по репарациям Майского сумма возможных компенсаций была скорректирована до 13 млрд долларов (ее предполагалось возмещать путем единовременных изъятий оборудования, транспорта и сельскохозяйственной продукции), что, по расчетам советских экспертов, составило бы около 14 % национального богатства Германии на конец 1944 г. Кроме того Германия должна была выплачивать в виде ежегодных поставок готовой продукции еще 10 млрд долларов в течение 10 лет. Таким образом общая сумма репараций устанавливалась в размере 23 млрд долларов, из которых 50—80 % (то есть 11,5—18,5 млрд долларов) должен был получить Советский Союз. Минимальная сумма компенсации для СССР, на которую следовало бы согласиться в переговорах с союзниками, должна была составлять 10 млрд долларов (что соответствовало 2,5 годовым бюджетам довоенной Великобритании или 1,4 бюджета США)¹³.

15 В январе 1945 г. был выработан окончательный вариант позиции СССР к предстоящим переговорам по репарациям с союзниками в Ялте. Он включал в себя следующие пункты: 1) единовременные изъятия промышленного оборудования и транспорта (до 75 % в тяжелой индустрии) в течение двух лет после капитуляции Германии; 2) поставки готовой продукции в течение 10 лет; 3) использование германского труда в пострадавших от войны странах на протяжении 10 лет «в таком количестве, какое они сочтут желательным получить». Советский Союз претендовал на получение 75—80 % всего оборудования, 75 % ежегодных поставок и 5 млн немецких рабочих¹⁴.

16 На Ялтинской конференции (4—11 февраля 1945 г.) Советский Союз впервые представил план, в соответствии с которым Германия должна была выплатить 20 млрд долларов (в ценах 1938 г.), из которых 10 млрд имел бы право получить СССР, 8 млрд — США и Великобритания и 2 млрд — остальные союзники стран «большой тройки»¹⁵.

17 Американская делегация отреагировала на предложения советской стороны сдержанно, но не категорически отрицательно, тогда как британцы сочли советские требования слишком высокими. Для Лондона первостепенную важность представляли не репарации, а вопросы, связанные с покрытием немецкого довоенного долга, возвращением британского имущества и бесперебойным финансированием импорта¹⁶.

18 Найденное компромиссное решение по результатам Крымской конференции заключалось в том, что, как было заявлено лидерами «большой тройки», немцы должны компенсировать причиненный ими материальный ущерб «в максимально возможной мере». В итоге, решено было взимать репарации в трех формах: 1) единовременное изъятие из национальной собственности Германии, как на ее территории, так и за ее пределами (демонтаж промышленных предприятий и оборудования, конфискация транспортных средств, зарубежных активов и прочее) в течение двух лет после капитуляции; 2) ежегодные поставки товаров и сырья; 3) использование труда немецких рабочих. Сроки действия по второму и третьему пунктам установлены не были [Советский Союз, 1979. С. 278—279]¹⁷.

19 В результате обострившейся в последующие месяцы конфронтации сторон совместное решение вопроса репараций «большой тройкой» становилось всё менее вероятным; всё более реалистичной представлялась перспектива удовлетворения репарационных требований союзников за счет их зон оккупации Германии. Репарационная комиссия провела всего одно официальное заседание в июне 1945 г. в Москве (хотя представители ее комитетов встречались часто), однако каких-либо ключевых решений принято не было. Дальнейшее развитие вопроса зависело от итогов Потсдамской

конференции.

20 В итоговых документах Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) общая сумма репарационных платежей не определялась: СССР был вынужден согласиться с отказом от выставления конкретной цифры и количества, и перейти к процентному распределению объемов репараций [Жигалов, 2014. С. 61]¹⁸. Западные союзники настояли на ограничении срока демонтажа германских промышленных предприятий двумя годами, а также на порядке соответствующих изъятий из своих оккупационных зон. Наряду с вывозом большей части причитающихся репараций из своей зоны, Советский Союз также получал германские активы в странах Центральной и Восточной Европы и в Восточной Австрии, а также 25 % промышленного оборудования из западных оккупационных зон Германии (из которых 40 % безвозмездно и 60 % в обмен на поставки сырья и продовольствия из своей зоны). Объем подлежавшего демонтажу промышленного оборудования должен был определить индустриальный план, который следовало разработать в течение последующих шести месяцев¹⁹.

21 Вопрос о репарациях стал краеугольным камнем в общем разделе сфер влияния в послевоенной Европе. Было очевидно, что западные державы стремились вывести Западную Германию, как и всю Западную Европу, из-под влияния СССР [Fisch, 1992. S. 69—70]. Москва же была крайне заинтересована получить свободу действий в своей оккупационной зоне Германии и в своей сфере влияния в Восточной Европе. При этом инициатива по взиманию репараций из своих зон оккупации исходила от США. В обмен на признание «позонового» принципа взимания репараций и отказ от советской доли в немецких активах в Западной Европе, Сталин получал американские уступки по вопросу о западных границах Польши и о принятии восточноевропейских стран в ООН, что было расценено им как победа [СССР и германский вопрос, 2000. С. 53—55].

22 С точки зрения урегулирования репарационного вопроса, Потсдамские соглашения представляли собой очевидную победу западных держав. Им удалось отстоять свои позиции по всем ключевым пунктам. Особенно важен был принцип, согласно которому не назывались фиксированные суммы репараций, а также тот факт, что Советский Союз был исключен из любого участия в обсуждении принимаемых решений на всех неподконтрольных ему территориях. Впрочем, обратным результатом стало то, что западные державы также не имели возможности влиять на решения, принимаемые СССР в своей сфере влияния [Fisch, 1992. S. 78].

23 В ходе последовавших после Потсдамских соглашений переговоров о разделении сфер влияния в области репарационной политики обозначились две четкие позиции. СССР в интересах демонтажа и обеспечения безопасности настаивал на как можно более низком уровне производительности немецкой экономики. Британцы, напротив, выступали за более высокий уровень промышленного производства, поскольку не могли себе позволить оказание значительной материальной помощи разрушенной Германии. Острые противоречия выявились по вопросу квот на производство стали, где в итоге был принят предложенный США компромисс, более близкий к позиции советской стороны [Müller, 1984; Филитов, 1993. С. 58].

24 После долгих обсуждений было достигнуто соглашение о сохранении промышленного производства на уровне 1932 г. (или 70—75 % от уровня 1936 г.) [Eschenburg, 1983. S. 401; Weimer, 1998. S. 24] и установлении прожиточного минимума для немцев, соответствующего среднеевропейскому значению, рассчитанному без учета прожиточных минимумов Великобритании и СССР. Все промышленные мощности, превышающие эти показатели, подлежали демонтажу и передаче в счет уплаты репараций.

25 Принятый в марте 1946 г. «План по репарациям и послевоенному состоянию

германской экономики в соответствии с постановлениями Берлинской конференции», несмотря на все противоречия²⁰, создавал условия для проведения более последовательной политики изъятий и демонтажа в счет репарационных обязательств (после всех грабежей и бесконтрольной конфискации трофейного имущества в первые месяцы оккупации Германии²¹). Уже 1 апреля 1946 г. хозяйственный директорат Контрольного совета утвердил список из 415 предприятий, подлежащих демонтажу из западных зон оккупации в пользу Советского союза (130 — из американской зоны, 262 — из британской, 23 — из французской). В течение нескольких месяцев демонтированное оборудование отгружалось в порту Бремена на зафрахтованные советские суда [Kießmann, 1991, S. 102—103].

26 Однако уже в мае 1946 г. американские оккупационные власти официально прекратили все репарационные поставки из своей зоны в пользу Франции и Советского Союза [Laufer, 2002. S. 40]. В качестве формального обоснования приводился довод о необходимости более конструктивного взаимодействия по выработке общих норм хозяйственного регулирования для всей Германии, которая, согласно протоколу Потсдамской конференции, в период оккупации должна была рассматриваться «как единое экономическое целое» [Советский Союз, 1984. С. 433]²².

27 Франция, получившая значительный военный ущерб (главным образом в форме утраты материальных ценностей), испытывала бóльшую потребность в «нормальных» репарациях, в том числе в виде поставок с действующих предприятий (на переговорах с союзниками она неоднократно ставила вопрос о реституциях), что предопределило более жесткую оккупационную политику французов, нередко выходившую за рамки англо-американских интересов [Kiersch, 1977; Manz, 1985; Lorentz, 1998; Некрасова, 2007]. Не исключалась даже коалиция Франции с СССР по вопросу репараций из текущего производства.

28 Что касается британцев, то к тому времени они уже давно решили отказаться от сотрудничества с СССР, в котором видели потенциально большую опасность, чем в поверженной Германии [Pingel, 1982; Steininger, 1985].

29 Проблема репараций вновь превратилась в поле для тактических маневров мировой политики, где у Великобритании и США имелось преимущество, поскольку они были в меньшей степени заинтересованы в материальной стороне вопроса. Различия в британской и американской позициях продемонстрировали, что в случае западных держав речь шла не о репарациях как таковых (оба государства не были в них заинтересованы), а что разногласия по репарациям в форме изъятий из текущего производства самое позднее с 1946 г. приобрели значение вопроса о том, следует ли двигаться в направлении разграничения сфер влияния с последующим разделением Германии» [Fisch, 1992. S. 103].

30 В 1947 г. в связи с начавшимся расколом Германии вопрос о репарациях в межсоюзнических отношениях отошел на второй план. На Московской конференции министров иностранных дел весной 1947 г. стало очевидно, что готовность к компромиссам была лишь видимостью. На Лондонской сессии совета министров иностранных дел в конце 1947 г. конфронтация по репарационному вопросу была предопределена [Филитов, 1993. С. 82 и далее]. С этого момента проведение какой-либо совместной репарационной политики в Германии не представлялось возможным. Видимость межсоюзнического взаимодействия по данному вопросу окончательно исчезла. Репарационная политика стала исключительно делом оккупационных властей в их собственных зонах²³.

Как уже было установлено, репарационная политика Советского Союза изначально была ориентирована на то, чтобы вывезти из Германии значительно больше материальных ценностей, чем предусматривалось Потсдамскими соглашениями. Это позволило бы хоть как-то сократить разрыв между стоимостью причиненного войной ущерба (по подсчетам Чрезвычайной государственной комиссии сумма реального ущерба СССР составляла около 679 млрд рублей)²⁴ и установленным размером компенсаций. Несмотря на уступки западным союзникам за столом переговоров, в действительности советская сторона была заинтересована в увеличении репарационных изъятий. Официально сделать это было невозможно (из-за позиции Великобритании), поэтому большую часть оборудования предполагалось демонтировать еще до завершения Потсдамской конференции.

32   Репарационную политику Советского Союза можно подразделить на два этапа — «нелегальный» и «законный».

33   «Нелегальный» этап взимания репараций пришелся на период до Потсдамских соглашений²⁵. В это время происходил вывоз всего промышленного оборудования из передаваемых Польше районов Восточной Пруссии, Силезии, Померании, а также из Западного Берлина; отправка в СССР значительной части имущества из Восточной Германии²⁶. До 9 мая 1945 г. из Германского рейха в СССР было вывезено 48 тыс. вагонов оборудования общим весом 550 тыс. тонн (оценка стоимости этих грузов велась из расчета 370 долларов за одну тонну)²⁷. В общей сложности до 1 августа 1946 г. было демонтировано оборудование 4 166 предприятий общей остаточной стоимостью в 1,9 млрд долларов. Кроме того, было конфисковано и передано в собственность СССР подвижного состава железных дорог на сумму в 350 млн долларов²⁸.

34   «Законный» этап взимания репараций начался после Берлинской конференции. Репарации осуществлялись в следующих формах: 1) вывоз военной техники и «излишних» транспортных средств — кораблей, паровозов, локомотивов, вагонов, цистерн и проч., а также железнодорожной инфраструктуры — рельсов, шпал и стрелочных переводов; 2) демонтаж оборудования из советской зоны (прежде всего военных заводов, металлургических, судостроительных, авиационных, химических, электротехнических, оптических предприятий)²⁹; 3) демонтаж оборудования из западных зон (прежде всего химических, танковых, автомобильных, авиационных, судостроительных заводов, а также металлургических предприятий)³⁰; 4) поставки продукции из текущего производства (вывоз продовольствия, товаров народного потребления, продукции военного назначения и другого).

35   На многих частных предприятиях советской оккупационной зоны (СОЗ) были размещены репарационные заказы по производству машин и оборудования, цветных металлов, химикатов, синтетического каучука и резины, товаров народного потребления, стройматериалов, спирта, крахмала и сахара³¹. При распределении заказов зачастую не учитывались производственные мощности и запасы сырья, что приводило к срывам поставок³². Ситуация обострилась, когда в течение 1946 г. в СОЗ практически иссякли все запасы производственного сырья, сделанные в годы войны [СССР и Германский вопрос, 2004. С. 51]³³. Оплата поставок из текущего производства осуществлялась за счет средств земельных бюджетов СОЗ. В результате их главными расходными статьями стали выплата репараций и покрытие затрат на оккупацию, всего в 1945—1949 гг. на эти цели было потрачено свыше 1,9 млрд долларов³⁴.

36   Также происходила передача в собственность СССР немецких предприятий стратегического назначения: судовой, прокатных, сталелитейных, машиностроительных и химических заводов, электроиндустрии, военной продукции и другого. На этой основе весной

1946 г. сначала 191, затем уже 213 крупнейших немецких заводов были превращены в советские акционерные общества (САО) — почти вся производимая ими продукция направлялась на нужды СССР [Советская военная администрация в Германии, 2016. С. 192—206]³⁵. К началу 1948 г. доля САО в ВВП СЗ составила: по производству жидкого топлива — 82,3 %, по электропромышленности — 52,8 %, по горнодобывающей промышленности — 51,0 %, по машиностроению — 41,7 %, по химической промышленности — 38,9 %, в электроэнергетике — 38,4 %, по угольной промышленности — 31,3 %, по металлургии — 28,5 %³⁶. Еще внушительнее выглядят статистические показатели САО в региональном измерении. Так, в 1947 г. в высокоиндустриализированной провинции Саксония-Анхальт 50,1 % всей промышленной продукции производилось на предприятиях, переданных в советскую собственность (в том числе в химической промышленности — 72,5 %, в металлургии — 71 %, в точной механике и оптике — 67,1 %, в производстве целлюлозы и бумаги — 66,5 %, в электроэнергетике — 53 %, в машиностроении — 49,3 %, в горной промышленности — 28,3 %). В соседней Тюрингии на долю САО приходилось 19,6 % (в том числе в металлургии — 62 %, в горной промышленности — 33 %, в химической промышленности — 25 %)³⁷. Акционерные общества были организованы по советскому праву, что давало дополнительные возможности свободно распоряжаться их капиталом и прибылью, использовать амортизационные отчисления и экспортировать продукцию [Советская военная администрация в Германии, 2016. С. 462—473].

³⁷ Важной формой возмещения послевоенного ущерба выступал научный и технологический трансферт из Германии в Советский Союз. С 1945 г. в СССР осуществлялся вывоз немецкой интеллектуальной собственности — патентов, научной и технической литературы, а также лучших ученых и инженеров³⁸. В ходе реализации программы репараций на территории СЗ также было развернуто производство в рамках советского ядерного проекта (включение обнаруженных летом 1946 г. урановых месторождений в Саксонии в «Зону интересов САО „Висмут“ в Саксонии», охватывавшую 13 городских и земельных округов, где в 1950 г. проживало 40 % населения Саксонии)³⁹.

³⁸ Еще одним источником финансирования репараций являлась денежная эмиссия. Выпуск «военных марок»⁴⁰ фактически регулировался директивами Москвы и Вашингтона; советские власти использовали эти деньги для финансирования репарационных поставок в СССР⁴¹; в общей сложности в СЗ было напечатано и распределено между различными советскими организациями на территории Германии 17,5 млрд военных марок⁴².

³⁹ Кроме того, в соответствии с приказами главноначальствующего СВАГ, с июля 1945 г. вся иностранная валюта, драгоценные металлы и камни должны были храниться только в органах Госбанка СССР: в 1945—1949 гг. в счет репараций в Советский Союз было отправлено 1,6 кг палладия, 11,2 кг платины, 127 кг золота, 63,4 т серебра⁴³.

⁴⁰ Что касается западных зон оккупации Германии, то в отношении репарационной политики, как уже указывалось, там преобладала позиция Соединенных Штатов и Великобритании. Несмотря на стремление многих небольших европейских государств получать поставки продукции из Германии (средства производства, уголь и так далее)⁴⁴, Великобритания и США смогли настоять на исключении возможности изъятий из немецкого текущего производства. Удовлетворение репарационных требований к Германии должно было ограничиться доступом к ее зарубежной собственности и демонтажем оборудования⁴⁵. Первоначальная концепция ослабления Германии («план Моргентау» (сентябрь 1944), американская директива JCS/1067 (апрель 1945), «Промышленный план» марта 1946 г. [Невский, 2008. С. 56—59]) могла иметь серьезные последствия, поскольку исключала страну из системы европейского разделения труда, в которую она была интегрирована в первую

очередь как поставщик средств производства⁴⁶.

41 С точки зрения хронологического подхода репарационную политику в отношении Западной Германии можно разделить на два этапа: непосредственно «фаза репараций» (1) приходится на 1945—1953 гг., после которой начинается период выплат по международным договорам и индивидуальным компенсациям (2). В течение первой фазы преобладали реституции (материальное возмещение ущерба), принудительный экспорт, использование немецкой рабочей силы, демонтаж оборудования и покрытие оккупационных расходов, тогда как во второй фазе в основном производились денежные выплаты, хотя в случае с Израилем также имели место обширные поставки, прежде всего инвестиционных товаров.

42 Согласно перечню распределяемой Межсоюзническим репарационным агентством продукции, источниками западногерманских репарационных выплат выступали: 1) немецкие зарубежные активы, находящиеся во вражеских или нейтральных государствах; 2) демонтаж оборудования; 3) конфискация торгового флота.

43 Хотя изъятия продукции из текущего производства не принимались в расчет, тем не менее они все же производились, прежде всего в виде поставок угля и древесины. К этим трем основным категориям также следует добавить оккупационные расходы. Также в смету выплат попадает стоимость реституций и изъятий, которые не учитывались должным образом до марта 1946 г., пока Первый промышленный план не урегулировал официальные поставки репараций (наиболее значительный масштаб эти «грабежи» приобрели особенно во французской оккупационной зоне).

44 В контексте развертывания холодной войны в 1946—1947 гг. отношение американцев к будущему немецкой экономики претерпевает кардинальный поворот. Уже со второй половины 1946 г. в США начинают постепенно переходить к более «конструктивной» позиции, а с принятием плана Маршалла в 1947 г.⁴⁷ складывается принципиально новый курс [Mausbach, 1996. S. 302ff.]. Институционально этот курс выразался в создании англо-американской зоны оккупации и принятии в июле—августе 1947 г. «Пересмотренного промышленного плана» для Бизонии, существенно расширявшего допустимые пределы производства и сокращавшего список предприятий, подлежащих демонтажу [Fisch, 1992. S. 116]⁴⁸.

45 По мере сокращения объемов демонтажа, уменьшался и размер западногерманских репараций. Уже осенью 1947 г. военные администрации трех западных держав представили существенно урезанный список демонтируемого оборудования⁴⁹. Изменение политики США было радикальным: от стратегии подавления германского экономического потенциала американцы перешли к существенному сокращению объемов демонтажа и репараций (в ущерб интересам британцев, французов и более мелких претендентов на получение репараций), с тем чтобы максимально задействовать возможности германской экономики для послевоенной реконструкции Европы. Можно сказать, что план Маршалла стал своего рода компенсацией Соединенных Штатов пострадавшим западноевропейским странам за сокращение поставок из Германии в счет репарационных обязательств [Hardach, 1994. S. 77ff.]. Под настойчивым давлением США смягчение репарационных обязательств продолжилось, пока в 1949 г. по Петербургскому соглашению не произошло значительное свертывание демонтажей. Официальное завершение демонтажей устанавливал Германский договор 1952 г.⁵⁰ Одновременно с урегулированием вопроса о германском довоенном долге⁵¹ и заключением договоров с Израилем⁵² в первой половине 1950-х гг. вопрос о западногерманских репарациях был формально решен [Fisch, 1992. S. 109ff.].

Получение репараций было приоритетной целью советской оккупационной политики в Германии, а с точки зрения экономической политики — самой важной. При реализации репарационной политики советское руководство исходило исключительно из интересов своей страны; интересы же немецкого населения практически игнорировались. Однако обвинять в этом СССР бессмысленно: каждая страна при проведении внешней политики выражает свои национальные интересы, кроме того, как государство-победитель, как жертва нацистской агрессии, понесшая наибольшие людские и материальные потери в войне, он имел на это и моральное, и юридическое право.

47 В условиях начавшейся «холодной войны» и раскола Германии в 1947—1949 гг. советское руководство было вынуждено отказаться от изъятия репараций из Западной Германии. В результате в наиболее тяжелом положении оказались жители советской оккупационной зоны (будущей ГДР), которым пришлось самостоятельно нести бремя репарационных выплат в пользу Советского Союза.

48 По официальным данным, СССР взыскал с Германии в период с 1945 по 1953 г. репараций на сумму в 4,3 млрд долларов (из которых 2,8 млрд долларов — стоимость поставок из текущего производства) [Dokumente zur Außenpolitik, 1954. S. 246, 288]. Оккупационные расходы, которые по решениям Потсдамской конференции были исключены из категории «репараций», обошлись для восточной зоны / ГДР еще в 5 млрд долларов (в ценах 1938 г.) [Fisch, 1992. S. 199]⁵³. Более высокие оценки стоимости репараций из советской оккупационной зоны / ГДР (1945—1953) приводятся зарубежными специалистами (данные с учетом оккупационных расходов): 14 млрд долларов у Райнера Карлша [Karlsch, 1993(a). S. 231], 15,8 млрд долларов — в изданном МВД ФРГ справочнике по ГДР [DDR-Handbuch, 1985. S. 1121—1122], 16,3 млрд долларов — у Хайнца Кёлера и Йорга Фиша [Köhler, 1965. S. 24—29, 49; Fisch, 1992. S. 193, 196f.], 18,9 млрд долларов (в текущих ценах) — у британского автора Алека Кэйрнкросса [Cairncross, 1986. P. 212]; в других исследованиях фигурируют цифры вплоть до 22,1 млрд долларов [Советская политика в отношении Германии, 2011. С. 166]⁵⁴. Разнобой в цифрах связан с различными методиками подсчета, а также с произвольным отнесением тех или иных статей расходов к «репарациям». К сожалению, открытые в 1990—2000-х гг. документы отечественных архивов также не дают окончательного ответа на этот вопрос: во-первых, значительная часть документов, связанных с репарациями, до сих пор остается на секретном хранении; во-вторых, называемые в советских источниках цифры также базируются на различных методиках подсчета (по весу оборудования, по остаточной стоимости, по средним ценам на 1938 или 1944 г. и так далее), а также на различных курсовых соотношениях доллара, марки и советского рубля. Поэтому точная цифра взысканных с Восточной Германии репараций попросту не может быть определена.

49 Что касается оценки западногерманских репараций, то здесь также существуют разные подходы. Оценку западногерманских выплат можно систематизировать как в срезе отраслей, так и в разбивке по срокам их реализации. Данные по общему объему платежей, которые Западная Германия произвела в счет репарационных обязательств до 1953 г., в основном сводятся к сумме 16,8 млрд долларов (в ценах 1938 г.). В расчете на душу населения это составляет 360,8 долларов (в ГДР — 16,3 млрд долларов и 888,7 долларов соответственно). За вычетом оккупационных расходов (в размере 12 млрд долларов) эта сумма сокращается примерно до 4,8 млрд долларов (или 103 доллара в расчете на душу населения) [Fisch, 1992. S. 319]. Таким образом, западногерманские платежи превосходили выплаты всех остальных стран, проигравших в войне, более чем в три раза, однако едва ли

достигали половины соответствующих выплат (на душу населения) в советской оккупационной зоне (и позднее ГДР). К этой сумме (16,8 млрд долларов), впрочем, следует добавить платежи, которые Федеративная Республика произвела в период после 1953 г. в счет возмещения ущерба по государственным договорам и индивидуальным компенсационным выплатам, а также на основе Лондонского соглашения о долгах (1953) и в связи с оккупационными расходами, возникшими до 1955 г. (по Фишу — 3,4 млрд долларов). Эти платежи к 1988 г. достигали почти 17 млрд долларов (в ценах 1938 г.) или 92 млрд марок (в текущих ценах) [Fisch, 1992. S. 222]⁵⁵. Если же взять период с 1945 по 1965 гг., после которого истек срок погашения обязательств по договорам с Израилем, то мы увидим сумму в 22 млрд долларов (в ценах 1938 г.) [Plumpe, 1999. S. 44].

50 Значение материальных ценностей, изъятых до 1953 г. в размере 16,8 млрд долларов (или 4,8 млрд долларов без оккупационных расходов) оценить достаточно непросто. По последним подсчетам, демонтажи затронули только 4—5 % западногерманского основного капитала в промышленности [Abelshauser, 2011. S. 79], — довольно незначительный объем по сравнению с величинами, заложенными в индустриальном плане для Бизонии⁵⁶. Куда более ощутимыми оказались оккупационные расходы. В 1946/1947 финансовом году их доля в «социальном продукте» соответствующих оккупационных зон составила: 28 % — во французской, 15,9 % — в американской, 12,7 % — в британской и 26,1 % — в советской зоне [Abelshauser, 2011. S. 77].

51 С другой стороны, при оценке общей суммы репараций (16,8 млрд долларов) следует учитывать стоимость поставок и предоставленных кредитов по программам послевоенной помощи Германии (прежде всего *GARIOA*⁵⁷ и плана Маршалла). Исследователь Фиш приводит сумму чистых предоставленных кредитов в 2,5 млрд долларов [Fisch, 1992. S. 218f.], марбургский историк Герд Хардах оценивает всю американскую помощь послевоенной Западной Германии в 3 млрд долларов [Hardach, 1994. S. 221]. Таким образом, за вычетом оккупационных расходов чистая репарационная нагрузка Западной Германии до 1953 г. была исключительно невелика.

52 Конечно, после 1953 г. выплаты Германии заметно возросли, но это уже было в стране с нарастающими темпами экономического роста. Так что можно сделать вывод, что в стоимостном выражении значение западногерманских репарационных платежей было относительно невелико. Их доля в национальном доходе ФРГ в период с 1953 по 1965 гг. составляла 0,72 %. Они составляли 3,1 % экспорта, или 1,63 % всей внешней торговли [Fisch, 1992. S. 223]. Несмотря на в целом достаточно значительную сумму (5,2 млрд долларов), относительная нагрузка на экономику Западной Германии была невелика: основная масса компенсаций пришлось на пятидесятые годы — период «экономического чуда», когда соответствующие выплаты могли производиться без проблем [Fisch, 1992. S. 257ff.].

53

5. Итоги и последствия репарационной политики в отношении Германии

Оценка значения и последствий политики демонтажа и репараций для дальнейшего экономического развития Германии зависит от различных факторов, которые не позволяют выработать однозначный вывод. С точки зрения экономического развития обоих немецких государств после 1945 г. значение и «эффективность» политики демонтажа и репараций представляются довольно очевидными. Если Западная Германия не понесла какого-либо существенного урона (учитывая также то, что большая часть репарационных выплат пришлось на время, когда экономическое бремя этих платежей уже было не столь критическим) и

смогла перейти к восстановлению лишь с незначительно утраченным объемом основного капитала, советская оккупационная зона была лишена значительной части своих индустриальных мощностей, а в определенных ключевых отраслях де факто полностью утратила свои материальные активы, не говоря уже о долгосрочных отрицательных последствиях демонтажей в инфраструктурной сфере.

54 Эта аргументация исходит из негласного предположения, что послевоенное восстановление Германии и его темпы определялись действием имеющихся факторов⁵⁸. Действительно, подобное утверждение выглядит вполне убедительным. Так, в 1945 г. западногерманский валовой основной капитал в промышленности — из-за обусловленного войной беспрецедентного инвестиционного бума в оборонной индустрии — на 20 % превосходил уровень 1936 г. [Abelshauser, 2011. S. 69]. Хотя амортизация и демонтажи снижали производственный потенциал, в 1949 г. данный показатель всё еще на 11 % превышал довоенный уровень. Ввиду улучшения структуры и качества оборудования фактор капиталовооруженности не являлся «узким местом»; репарации и демонтажи по своему объему были незначительны и затронули прежде всего те отрасли, которые были основательно профинансированы и лучше всего развивались в течение войны [Abelshauser, 2011. S. 11ff.]. Проблемные отрасли начала пятидесятых годов (горнодобывающая промышленность, сталелитейная индустрия, инфраструктура, энергетика) не являлись первоочередной целью демонтажа из Западной Германии. Это является важным отличием от ГДР, в которой репарации затрагивали базовые отрасли промышленности. Поэтому репарации, за редким исключением, едва ли могли создавать проблемы для последующего экономического роста Западной Германии⁵⁹.

55 Можно сделать вывод, что репарации в случае с Западной Германией не оказались фактором, который мог структурно воспрепятствовать дальнейшему восстановлению страны, как, впрочем, оно не зависело и от помощи по плану Маршалла. В свою очередь, отсутствие препятствий в виде репараций не привело автоматически западных немцев и к «экономическому чуду» — в этой связи решающую роль сыграли конъюнктура мирового рынка и грамотная экономическая политика. В советской оккупационной зоне, напротив, масштабы репараций сами по себе были губительными. Негативные воздействия на экономику только усилились в результате исключения восточной зоны из мирового рынка и недостаточно продуманной экономической политики. То, что в ГДР всё же смогли к концу 1950-х гг. в основном успешно завершить процесс послевоенной реконструкции, представляется куда более поразительным, нежели «экономическое чудо» в ФРГ, которое во многом опиралось на модель западноевропейского развития⁶⁰.

Примечания:

1. Версальский мирный договор от 28 июня 1919 г. М., 1925. (Статья 231).
2. Подробнее об интерпретации статьи 231 Версальского мирного договора с точки зрения международно-правовой оценки см., например, в: [Eichhorn, 1992. S. 20ff.].
3. Советская сторона настаивала на натуральной форме компенсаций по нескольким причинам. Во-первых, Германия не обладала достаточными валютными резервами и не могла выплачивать крупных денежных сумм (с 1938 г. она имела отрицательное сальдо внешнеторгового баланса) [Statistisches Bundesamt, 1973. S. 191]. Во-вторых, выплата репараций в денежной форме затормозила бы процесс восстановления германской экономики, могла бы привести к всплеску инфляции и прочим негативным проявлениям. В-третьих, переводы репарационных платежей посредством банковских транзакций легко бы контролировались финансовыми службами союзников, в то время как натуральные выплаты зависели от оценочной стоимости поставляемых товаров и услуг, а потому сложнее подлежали бы контролю и учету. В этом случае можно было бы вывезти больший объем репараций, чем планировалось союзниками.
4. В декабре 1941 г. советский лидер коснулся вопроса о репарациях и реституции во время переговоров с британским министром иностранных дел Энтони Иденом. Он высказал мнение о том, что «после войны Германия

должна будет возместить пострадавшим от нее странам (Великобритании, Советскому Союзу, Польше и др.) причиненный вред». Обе стороны при этом сошлись во мнении, что денежные выплаты малополезны и что Германия должна произвести репарации в натуральной форме, прежде всего поставками станков и оборудования [СССР и германский вопрос, 1996. С. 124—135].

5. Сэр Уильям Малкин возглавлял юридический отдел министерства иностранных дел. В данную комиссию вошли 9 высококвалифицированных чиновников из министерства торговли, казначейства и министерства иностранных дел, а также несколько финансовых экспертов, среди которых был также Дж. М. Кейнс. Подробнее о составе комиссии см., например, в: [Kettenacker, 1989. S. 399].

6. О соответствующей экспертной дискуссии в Великобритании после Первой мировой войны см.: [Petzina, 1994].

7. См. также: [Hook van, 2004. P. 24]. Первоначально план Малкина не имел политического веса. Ситуация изменилась лишь во второй половине 1943 г., когда другие государства начали выдвигать требования по репарациям ввиду наметившегося поражения Германии.

8. Полное название — Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками (далее: Комиссия по репарациям Майского). Подробнее см.: [Жигалов, 2014].

9. Данное предложение прозвучало из уст британского министра иностранных дел Э. Идена [Nübel, 1980. S. 64]. Подробнее о деятельности комиссии см., например: [Висков, Кульбакин, 1990. С. 27 и далее].

10. Комиссия приняла решение об отказе от денежных выплат. Вместо этого предполагалось вывезти из Германии полезное фабрично-заводское оборудование, часть торгового флота, а также использовать для восстановления разрушенных зданий и промышленных объектов в СССР немецкую рабочую силу. Общую сумму репараций договорились установить после окончания войны [СССР и германский вопрос, 1996. С. 320—322].

11. Действительно, в сравнении с английскими, американские расчеты репараций выглядят очень высокими. По мнению историка из Швейцарии Йорга Фиша, эти цифры были непомерно высокими даже в сравнении с репарациями, возложенными на Германию по итогам Первой мировой войны, — установленная в 1921 г. сумма в 132 млрд марок в пересчете на курс доллара в 1945 г. равнялась уже 33 млрд долларов [Fisch, 1992. S. 46].

12. У США изначально прослеживалось желание увязать проблему репараций с более общим и важным для американцев вопросом экономического будущего Германии. В данном случае намерение ослабить Германию как военного противника и компенсировать нанесенный немцами американским союзникам ущерб сталкивалось с осознанием необходимости последующего экономического возрождения Германии и реконструкции всей Западной Европы. Такая позиция в перспективе вела к полной отмене или значительному ослаблению репараций и, несомненно, противоречила интересам СССР.

13. В проекте Майского указывались конкретные цифры, различавшиеся по отраслям немецкой промышленности (от 50 до 70 % имевшихся мощностей), а также виды товаров, предполагавшихся к изъятию в счет репараций [СССР и германский вопрос, 1996. С. 576—589]. По признанию самого автора проекта, все цифры носили приблизительный характер, так как не учитывали фактический износ оборудования за годы войны, а также ущерб, нанесенный немецкой промышленности и транспорту американской и британской авиацией. Еще одной прогнозируемой Майским трудностью в переговорах должна была стать методика подсчетов: «Цифра наших потерь... пересчитана по официальному курсу 5 рублей 30 копеек за доллар. В результате получились явно преувеличенные цифры нашего ущерба» [СССР и германский вопрос, 1996. С. 591—595]. Учитывая, что во время войны на черном рынке за 1 доллар давали 10 рублей, можно допустить, что сумма причиненного войной ущерба была завышена в 2 раза.

14. Сам Майский расценивал эти требования как предварительные, надеясь получить в итоге хотя бы 65 % от изначальной суммы [СССР и германский вопрос, 1996. С. 601—605].

15. Половину этой суммы предполагалось получить путем демонтажа промышленного оборудования и конфискации зарубежных активов Германии (за 2 года), оставшуюся часть — за счет изъятий из текущего производства и эксплуатации немецкой рабочей силы (в течение 10 лет). Сверх этого СССР настаивал на полной ликвидации военной и сокращении на 80 % остальной тяжелой промышленности Германии. Советские предложения не кажутся завышенными в сравнении с планами США от осени 1944 г. и вполне сопоставимы с аналогичными британскими расчетами. Требование об увеличении объемов демонтажа было связано с обеспечением безопасности СССР и возможным запретом западными союзниками поставок из текущего производства в своих оккупационных зонах.

16. В окончательном варианте советское предложение не нашло поддержки со стороны союзников. Общий объем репараций и принципы их распределения среди пострадавших стран так и не были согласованы на конференции в Ялте. Было решено создать Межсоюзническую комиссию по репарациям (Inter-Allied Reparations Agency), которая и должна была установить точную сумму выплат.

17. Сохраняющаяся неопределенность со сроками и размером репарационных выплат давала большие возможности для злоупотреблений: оккупация Германии фактически уже началась, в руки союзников попадало немецкое имущество и тысячи военнопленных, а вопрос об их использовании решен еще не был. Так, в связи с предстоявшей передачей части территории провинции Саксония в состав советской оккупационной зоны при эвакуации из г. Галле американскими войсками было вывезено различного имущества на 21,6 млн марок [Болдырев, 2015(а). С. 177].

18. См. также Протокол Берлинской конференции трех великих держав (1 августа 1945 г.) в: [Советский Союз, 1984. С. 434—436].

19. Польша должна была получить свою долю репараций из советской оккупационной зоны, а малые страны Западной Европы — из зон западных союзников. Торговый флот Германии подлежал разделу в равных долях между СССР, США и Великобританией; исключение составляли лишь каботажные и речные суда в количестве, «необходимом для мирного развития» [Советский Союз, 1984. С. 434 и далее].
20. Несмотря на наличие значительных производственных мощностей и достаточных трудовых и материальных ресурсов (в частности, квалифицированной рабочей силы), согласно этому плану в Германии допускался крайне низкий уровень производства, что «противоречило всем динамическим факторам, определяющим производительность и продуктивность современного хозяйства» [Fisch, 1992. S. 95; Seume, 1947]. План отражал не экономическую, а политическую ситуацию в Германии и существовавший на тот момент курс США на общее ослабление немецкой экономики.
21. См. подробнее о ситуации в советской зоне: [Karlsch, 1993(a). S. 55ff.]; во французской зоне: [Fäßler, Grohnert, Wolfrum, 1996. S. 230ff.].
22. Вслед за этим французы и британцы также приостановили демонтаж и вывоз оборудования из своих зон в СССР. Подробнее см.: [Cairncross, 1986. P. 155]. Видимо американцы опасались возможного экономического ослабления своей зоны оккупации, что могло привести к серьезному падению уровня жизни, а также не желали усиления промышленного потенциала третьих государств [Gimbel, 1971. S. 87—92; Backer, 1981. S. 96ff.].
23. Вместе с этим прекратилось и проведение единой экономической политики союзников в отношении Германии; хозяйственный и политический раскол Западной и Восточной Германии стал необратимым [Болдырев, 2009(b). С. 47—49].
24. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (сокращенно — ЧГК) под председательством Николая Михайловича Шверника была образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. В ее полномочия входила и оценка ущерба, причиненного войной Советскому Союзу. На основе анализа около 4 млн актов об ущербе, составленных на бывших оккупированных территориях СССР, комиссия оценила прямой ущерб от войны в 679 млрд рублей, что по официальному курсу равнялось 128,1 млрд долларов, а по рыночному — 67,9 млрд долларов [Ведомости, 1942; Болдырев, 2009(с). С. 9].
25. Сбором и отправкой в СССР ценного имущества занимались два вида подразделений: находившиеся под руководством Управления тыла Красной Армии так называемые «трофейные команды» и подотчетные Особому комитету по Германии при Государственном комитете обороны «демонтажные команды». Работа этих ведомств между собой практически не координировалась, что создавало почву для анархии, взаимных обвинений и различных злоупотреблений [Болдырев, 2009(a). С. 306—307].
26. Оценка результатов деятельности трофейных и демонтажных команд практически не производилась (*сообщалось лишь о количестве демонтированного и отгруженного оборудования, но не о его стоимости*), так что данные об этих изъятиях не были учтены при подсчете репараций.
27. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 865. Л. 172. Вывоз оборудования из Германии позволял существенно усилить экономический и в первую очередь военно-промышленный потенциал СССР. Так, мощность электрогенераторов выросла на 48 %, мощность электростанций — на 71 %, число металлорежущих станков увеличилось на 42 %, прессов и молотов — на 26 %, деревообрабатывающего оборудования — на 28 %. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 614. Л. 422—420. Данная цифра была взята за основу оценки сотрудниками Народного комиссариата иностранных дел и Народного комиссариата внешней торговли из данных германского статистического управления за 1928 г. [СССР и Германский вопрос, 2000. С. 180].
28. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 865. Л. 172.
29. ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 2. Д. 4. Л. 247. В результате демонтажа производственные мощности СОЗ в отраслях цветной металлургии и авиационной промышленности сократились на 100 %, черной металлургии — на 80 %, точной механики и оптики — на 65 %, электротехнической промышленности — на 60 %, транспортного машиностроения — на 54 %, станкостроения — на 53 %, целлюлозно-бумажной промышленности — на 45 %, производства цемента — на 40 %, химической промышленности — от 30 до 100 % (в зависимости от вида продукции) [Karlsch, 1993(a). S. 282; Ciesla, 1993. S. 423]. В ходе демонтажей в советской оккупационной зоне к 1948 г. было ликвидировано около 30 % всех мощностей в промышленности, что с учетом военных разрушений оставляло лишь половину мощностей от уровня 1944 г. [Karlsch, 1993(a). S. 233].
30. ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 2. Д. 4. Л. 247.
31. ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 2. Д. 3. Л. 220; Там же. Д. 6. Л. 405—408.
32. Как отмечалось в докладе начальника Промышленного отдела СВАГ Г.Г. Александра 14 августа 1945 г.: «Из промышленного оборота были фактически изъяты сырье, полуфабрикаты и другие материалы, идущие в промышленную переработку вследствие наложения военными комендантами запрета на всякого рода склады» [Советская военная администрация в Германии, 2016. С. 76—85].
33. Руководство СВАГ осознавало проблему и пыталось в качестве контрмеры ввести жесткое регулирование

товарно-материальных ресурсов [Советская военная администрация в Германии, 2016. С. 188—192].

34. Рассчитано на основе сведений из: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 28. Д. 1. Л. 16, 39, 43, 45, 54.

35. Уточненный список предприятий см.: ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 50. Д. 17. Л. 2—3. Эти предприятия подлежали обратному выкупу ГДР до 1953 г. (затраты на выкуп САО достигали 2,5 млрд марок). Все остальные предприятия (число которых к середине 1948 г. составляло 9281) были объявлены собственностью военных и нацистских преступников и превращены в «народные предприятия» (Volkseigene Betriebe) [Mieck, 2009. S. 159; Steiner, 2004. S. 31].

36. ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 4. Д. 39. Л. 5. В 1950 г. эти показатели только возросли: доля САО в ВВП СОЗ составила 22,6 %, в том числе в химической промышленности — 57,8 %, в энергетике — 42,2 %, в горной промышленности — 37,6 %, в электротехнике — 36,2 %, в металлургии — 31,7 %, в машиностроении — 26,4 %, в точной механике и оптике — 25,5 % [Karlsch, 1993(a). S. 285].

37. Рассчитано на основе сведений из: SAPMO — VArch. NY4036/687. Bl. 85—86.

38. См., например: ГАРФ. Ф. 7133. Оп. 1. Д. 11. Л. 203.

39. С января 1954 г. САО «Висмут» было преобразовано в Советско-германское акционерное общество, которое вплоть до 1990 г. оставалось крупнейшим производителем урана в Европе. Всего за 1946—1953 гг. в Советский Союз было поставлено урана из Восточной Германии на сумму в 7,3 млрд марок ГДР [Karlsch, 1993(b). S. 21], при этом советская сторона «признала в лучшем случае лишь половину стоимости данных поставок в счет уплаты репараций» [Steiner, 2004. S. 33].

40. Данная «военная марка союзников» вводилась законом военной администрации № 51 «О валюте» и первоначально — еще в 1944 г. — была выпущена для района Аахена. Кроме Германии военные денежные знаки поступили в обращение также во Франции (военные франки), Италии (военные лиры), Австрии (военные шиллинги), Японии (военные йены) и Дании (военные кроны). Соответствующие купюры (номиналом от ½ до 1000 марок) были разработаны американским государственным Бюро гравирования и печати, а их тиражированием занимались частные типографии. По запросу Советского Союза 18 апреля 1944 г. американцы передали всю техническую документацию, клише, краски и бумагу для печати банкнот военных марок также для советской оккупационной зоны [Rittmann, 1986. S. 299f.]. Точные объемы эмиссии военных марок установить довольно сложно; по разным данным всего до 1948 г. союзниками было выпущено от 15 до 20 млрд военных марок, предназначавшихся для выплат жалований солдатам оккупационных армий, а также для прямых расчетов за поставки и снабжение военных администраций [Rittmann, 1986. S. 301; Wandel, 1980. S. 145, 148; Winkel, 1971. S. 31].

41. Так, в период с мая 1945 по апрель 1946 г. советские оккупационные расходы составили 13,7 млрд марок, из которых 8,5 млрд (то есть 62 %) были покрыты за счет эмиссии военных марок [СССР и германский вопрос, 2000. С. 40].

42. Если бы вся эта дополнительная денежная масса поступила в обращение, это могло бы привести к окончательному краху денежную систему всей Германии [СССР и германский вопрос, 2000. С. 40].

43. ГАРФ. Ф. 7317. Оп. 2. Д. 4. Л. 117—120.

44. Распределением поставок в счет уплаты репараций занималось учрежденное в декабре 1945 г. (в Париже) Межсоюзническое репарационное агентство (Inter-Allied Reparations Agency / IARA), представлявшее интересы 18 (с 1947 г. — 19) стран, имеющих право на получение репараций.

45. В частности, претензии Великобритании по довоенным долгам Германии и приоритетность их погашении также сохранили законную силу [Fisch, 1992. S. 109f.].

46. Если более мелкие европейские государства желали получить необходимые средства производства (инвестиционные товары, ресурсы, полуфабрикаты и так далее), то они должны были приобретать их в США за доллары; проблема европейского долларового дефицита, который из-за потери Восточной и Центральной Европы как поставщика продовольствия только усилился, вышла на первое место в повестке дня [Buchheim, 1990. S. 111f.].

47. Подробнее о плане Маршалла см., например: [Hardach, 1994].

48. На основании этого плана из первоначального списка в 1546 предприятий, подлежавших демонтажу в западногерманских оккупационных зонах, было исключено 687 заводов и фабрик [Невский, 2008. С. 60].

49. «Окончательный» список по демонтажу, принятый в октябре 1947 г., включал 859 предприятий в отраслях сталелитейной, электротехнической, химической и машиностроительной промышленности [Hardach, 1993. S. 111].

50. «Договор об отношениях между Федеративной Республикой Германией и Тремя державами» (также «Общий» или «Боннский договор»), подписанный 26 мая 1952 г. в Бонне, подтверждал окончание оккупационного режима и признание государственного суверенитета ФРГ.

51. По Лондонскому соглашению о долгах (от 27 февраля 1953 г.) ФРГ обязывалась выплатить 14,5 млрд марок до 1994 г. [Fisch, 1992. S. 118ff.].

52. По Люксембургскому соглашению (от 10 сентября 1952 г.) ФРГ должна была выплачивать Израилу 3,45 млрд марок в течение 12—14 лет (до марта 1965 г.), из которых около 70 % — в форме поставок товаров и услуг, 30 % — наличными деньгами (из них 3 млрд марок — правительству Израиля, а остальное — Конференции по еврейским материальным претензиям к Германии).

53. Как оккупирующая держава Советский Союз был вынужден взять на себя значительные обязательства по содержанию своей воинской группировки в Германии. Соотношение внешних оккупационных расходов, оплаченных за счет СССР, и внутренних, профинансированных из средств восточной зоны / ГДР, составляло 1,63:1. Внешние оккупационные затраты СССР на пребывание войск в Германии (денежное содержание личного состава оккупационных войск и контрольных органов, стоимость обмундирования, продовольствия и горючего, поставляемого из СССР, издержки на транспортные перевозки вне территории Германии, а также прочие расходы, за исключением расходов на вооружение) в 1945—1952 гг. составили 24,9 млрд рублей (примерно 50 млрд марок или 5 млрд долларов США). РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1165. Л. 138.

54. Наивысшую сумму можно встретить у Гаральда Эше, который (впрочем неправдоподобно) оценил стоимость репараций, изъятых из Восточной Германии до 1948 г., в 80 млрд долларов [Esche, 1948. S. 45].

55. Последний транш в размере 70 млн евро (в счет долга репараций после Первой мировой войны) был выплачен Германией 3 октября 2010 г. По данным издания «Зюддойче цайтунг» [Züddeutsche Zeitung, 2015], всего немцы заплатили сумму в 71 млрд евро в качестве компенсаций за преступления нацистского режима (из них около 47 млрд евро по Федеральному закону о компенсациях (Bundesentschädigungsgesetz) 1956 г., вступившему в силу задним числом — с 1953 г.).

56. План устанавливал объемы германского промышленного производства и использования производственных мощностей до 70—75 % от уровня 1938 г.

57. Government Appropriation and Relief for Imports in Occupied Areas — Правительственные ассигнования и льготы на импорт в оккупированные территории. По данной программе помощи военного министерства США в период с 1946 по 1950 г. в Германию было поставлено товаров первой необходимости и продовольствия на общую сумму в 1,6 млрд долларов.

58. Данный тезис развивал прежде всего Вернер Абельсхаузер [Abelshäuser, 2011]. См. также другое исследование на эту тему: [Vatter, 1996].

59. Впрочем, объем восстановления демонтированных предприятий и связанная с ним модернизация зачастую очень быстро превышали потери мощностей от демонтажа; но это уже чисто логически совсем другая история [Köchling, 1995].

60. Подробнее о факторах экономического бума см., например: [Lindlar, 1997].

Библиография:

1. Болдырев Р. Ю. Германские репарации и Холодная война в Арктике, 1945—1949 гг. // Холодная война в Арктике: сборник статей / сост., науч. Ред. М. Н. Супрун. Архангельск, 2009. (а). С. 306—313.
2. Болдырев Р. Ю. Поворотный год в жизни советской оккупационной зоны: 1947 или 1948? // 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19—20 июня 1948 г., Москва / под ред. Б. Бонвеча, А. Ю. Ватлина, Л. П. Шмидта. М., 2009. (b). С. 44—56.
3. Болдырев Р. Ю. Повседневная жизнь немецкой провинции в условиях советской оккупации, 1945—1949 (на примере города Галле на Заале) // Германия. Государство, общество, человек: сборник научных статей / отв. ред. Л. Н. Корнева. Кемерово, 2015. (а). С. 166—181.
4. Болдырев Р. Ю. Региональная политика советских оккупационных властей в Германии, 1945—1949: от федерализма к унитаризму // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 70—74.
5. Болдырев Р. Ю. Репарации и советская оккупационная политика в Германии: вопрос о приоритетах // Болдырев Р. Ю. (отв. ред. и сост.). Власть и общество в условиях диктатуры: исторический опыт СССР и ГДР. 1945—1965: материалы научно-практической конференции (Архангельск, 12—16 сентября 2007 г.). Архангельск: Поморский университет, 2009. (с). С. 8

6. Болдырев Р. Ю. Экономические реформы в Советской оккупационной зоне Германии // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. (b). № 1. С. 88—105.
7. Болдырев Р. Ю., Невский С. И. Денежные реформы в послевоенной Германии (1948): подготовка, проведение, итоги // Экономическая политика. 2014. № 5. С. 38—65; № 6. С. 25—53.
8. Болдырев Р. Ю., Невский С. И. Советская репарационная политика в Германии в 1945—1953 гг. // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 49—69.
9. Болдырев Р. Ю., Невский С. И., Плюмпе В. Репарационная политика в отношении Германии // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 51—65.
10. Варга Е. С. О возмещении ущерба, причиненного гитлеровской Германией Советскому Союзу. М., 1943.
11. Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 40.
12. Висков С. И., Кульбакин В. Д. Союзники и «германский вопрос» (1945—1949 гг.) / отв. ред. Р. Ф. Иванов. М., 1990.
13. Жигалов Б. С. И. М. Майский и проблема германских репараций (1943—1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (27). С. 56—63.
14. Кнышевский П. Н. Добыча. Тайны германских репараций. М., 1994.
15. Коваль К. И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997.
16. Невский С. И. Социально-экономические реформы в послевоенной Западной Германии: 1945—1949. М., 2008.
17. Невский С. И. Экономическая политика союзников в послевоенной Западной Германии (1945—1947 годы) // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 6. С. 40—78.
18. Некрасова Т. А. Французская оккупационная политика в Германии 1945—1949 гг.: планы и их реализация // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 131—142.
19. Советская военная администрация в Германии, 1945—1949 гг.: Экономические аспекты деятельности: сборник документов / отв. ред. и отв. сост. В. Кнолль; сост. И. А. Зюзина, О. В. Лавинская. Том 1. 1945—1947 гг. М., 2016.
20. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. документов. Т. IV. М., 1979.
21. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. Т. VI. М., 1984.
22. СССР и германский вопрос. 1941—1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. М., 1996.
23. СССР и германский вопрос. 1941—1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 2. М., 2000.

24. СССР и Германский вопрос 1941—1949 гг.: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 3. М., 2004.
25. Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993.
26. Фойтцик Я. Советская политика в отношении Германии, 1944—1954. Документы. М., 2011.
27. Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней. Монография. В 3 т. Т. 1: Экономическая история Германии в Новое время: от аграрного общества к мировой промышленной державе / сост., пер. с нем., науч. ред. С. И. Невского. М., 2016/2017.
28. Abelshauer W. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Von 1945 bis zur Gegenwart. München, 2011.
29. Albrecht U., Heinemann-Grüder A., Wellmann A. Die Spezialisten. Deutsche Naturwissenschaftler und Techniker in der Sowjetunion nach 1945. Berlin, 1992.
30. Baar L., Karlsch R., Matschke W. Kriegsfolgen und Kriegslasten Deutschlands: Zerstörungen, Demontagen und Reparationen. Berlin, 1993.
31. Backer J. H. Die Entscheidung zur Teilung Deutschlands. Amerikas Deutschlandpolitik 1943—1948. München, 1981.
32. Bracher D., Jacobsen H.-A. Dokumente zur Deutschlandpolitik, Bd. 2. Frankfurt a.M., 1987.
33. Buchheim Ch. Die Wiedereingliederung Westdeutschlands in die Weltwirtschaft. München, 1990.
34. Cairncross A. The price of war. British policy on German reparations, 1941—1949. Oxford, 1986.
35. Ciesla B. Der Spezialistentransfer in die UdSSR und seine Auswirkungen in der SBZ und DDR // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1993. № 49—50. S. 23—31.
36. Ciesla B. Von der wirtschaftlichen Entwaffnung zur zentralen Wirtschaftsplanung. Zur Wirtschaftspolitik in der SBZ zwischen 1945 und 1949 // Hilger A., Schmeitzner M., Vollnhals C. (Hg.). Sowjetisierung oder Neutralität? Optionen sowjetischer Besatzungspolitik in Deutschland und Österreich 1945—1955. Göttingen, 2006. S. 417—434.
37. Zimmermann H. (Hg.). DDR-Handbuch. Bd. 2. Köln, 1985.
38. Deutsches Reichsgesetzblatt. Band 1871. № 26.
39. Dokumente zur Außenpolitik der Regierung der DDR. Berlin, 1954.
40. Eichhorn B. W. Reparation als völkerrechtliche Deliktshaftung: rechtliche und praktische Probleme unter besonderer Berücksichtigung Deutschlands (1918—1990). Baden-Baden, 1992.
41. Esche H. Die Ausplünderung des deutschen Ostens. München, 1948.
42. Eschenburg T. Jahre der Besatzung: 1945—1949. Stuttgart u.a., 1983 (= Geschichte der Bundesrepublik Deutschland: in 5 Bd.; Bd. 1).
43. Fäßler P., Grohnert R., Wolfrum E. Krisenjahre und Aufbruchzeit: Alltag und Politik im

- französisch besetzten Baden 1945—1949 (Nationalsozialismus und Nachkriegszeit in Südwestdeutschland. Band 3). München, 1996.
44. Fisch J. Reparationen nach dem Zweiten Weltkrieg. München, 1992.
45. Gimbel J. Amerikanische Besatzungspolitik in Deutschland 1945—1949. Frankfurt a.M., 1971.
46. Hardach G. Der Marshall-Plan. Auslandshilfe und Wiederaufbau in Westdeutschland 1948—1952. München, 1994.
47. Hardach K. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert (1914—1970). Göttingen, 1993.
48. Hook J. C. van. Rebuilding Germany. The Creation of the Social Market Economy, 1945—1957. Cambridge, 2004.
49. Karlsch R. Allein bezahlt? Die Reparationsleistungen der SBZ/DDR 1945—1953. Berlin, 1993(a).
50. Karlsch R. “Ein Staat im Staate”. Der Uranbergbau der Wismut AG in Sachsen und Thüringen // Aus Politik und Zeitgeschichte. 1993(b). № 49—50. S. 14—22.
51. Karlsch R. Uran für Moskau. Die Wismut — Eine populäre Geschichte. Berlin, 2007.
52. Karlsch R., Ciesla B. Vom “Karthago-Frieden” zum Besatzungspragmatismus. Wandlungen der sowjetischen Reparationspolitik und ihre Umsetzung 1945/1946 // Mehringer H., Schwartz M., Wentker H. (Hg.). Erobert oder befreit?: Deutschland im internationalen Kräftefeld und die Sowjetische Besatzungszone (1945/46). München, 1999. S. 71—92.
53. Karlsch R., Laufer J. (Hg.). Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944—1949: Hintergründe, Ziele und Wirkungen. Berlin, 2002.
54. Kettenacker L. Krieg zur Friedenssicherung. Die Deutschlandplanung der britischen Regierung während des Zweiten Weltkrieges. Göttingen, 1989.
55. Kiersch G. Die französische Deutschlandpolitik 1945—1949 // Scharf C., Schroeder H.-J. (Hg.). Politische und ökonomische Stabilisierung Westdeutschlands 1945—1949. Fünf Beiträge zur Deutschlandpolitik der westlichen Alliierten. Wiesbaden, 1977. S. 61—76.
56. Kleßmann Ch. Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945—1955. Bonn, 1991.
57. Köchling M. Demontagepolitik und Wiederaufbau in Nordrhein-Westfalen. Essen, 1995.
58. Köhler H. Economic Integration in the Soviet Block. New York, Washington, London, 1965.
59. Laufer J. Die Reparationsplanungen im sowjetischen Außenministerium während des Zweiten Weltkrieges // Buchheim Ch. (Hg.). Wirtschaftliche Folgelasten des Krieges in der SBZ/DDR. Baden-Baden: Nomos, 1995. S. 21—43.
60. Laufer J. Politik und Bilanz der sowjetischen Demontagen in der SBZ / DDR 1945—1950 // Karlsch R., Laufer J. (Hg.). Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944—1949: Hintergründe, Ziele und Wirkungen. Berlin, 2002. S. 31—77.
61. Laufer J. Von den Demontagen zur Währungsreform — Besatzungspolitik und Sowjetisierung

- Ostdeutschlands 1945—1948 // Lemke M. (Hg.). Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945—1949). Köln u.a., 1999. S. 163—186.
62. Lindlar L. Das mißverständene Wirtschaftswunder. Westdeutschland und die westeuropäische Nachkriegsprosperität. Tübingen, 1997.
63. Lorentz C. La France et les restitutions allemandes au lendemain de la seconde guerre mondiale (1943—1954). Paris, 1998.
64. Manz M. Stagnation und Aufschwung in der französischen Besatzungszone 1945—1948. Ostfildern, 1985.
65. Matschke W. Die industrielle Entwicklung in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands (SBZ) von 1945 bis 1948. Berlin, 1988.
66. Mausbach W. Zwischen Morgenthau und Marshall. Das wirtschaftspolitische Deutschlandkonzept der USA 1944—1947. Düsseldorf, 1996.
67. Mieck I. Kleine Wirtschaftsgeschichte der neuen Bundesländer. Stuttgart, 2009.
68. Müller G. Die Rolle der Briten bei der Auseinandersetzung um die Stahlquote des 1. Industrieplanes vom 26. März 1946 // Petzina D., Euchner W. (Hg.). Wirtschaftspolitik im britischen Besatzungsgebiet 1945—1949. Düsseldorf, 1984. S. 65—86.
69. Nübel O. Die amerikanische Reparationspolitik gegenüber Deutschland 1941—1945. Frankfurt a.M., 1980.
70. Petzina D. Is Germany Prosperous? Die Reparationsfrage in der Diskussion angelsächsischer Experten zwischen 1918 und 1925 // Buchheim Ch., Hutter M., James H. (Hg.). Zerrissene Zwischenkriegszeit. Wirtschaftshistorische Beiträge. Baden-Baden: Nomos, 1994. S. 241—262.
71. Pingel F. Die “Russen am Rhein”? Zur Wende der britischen Besatzungspolitik im Frühjahr 1946 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1982. Jg. 30. S. 98—116.
72. Plumpe W. Die Reparationsleistungen Westdeutschlands nach dem Zweiten Weltkrieg // Eckart K., Roesler J. (Hg.). Die Wirtschaft im geteilten und vereinten Deutschland. Berlin, 1999. S. 31—46.
73. Rittmann H. Deutsche Geldgeschichte seit 1914. München, 1986.
74. Seume F. Industrie // Friedensburg F. (Hg.). Die deutsche Wirtschaft zwei Jahre nach dem Zusammenbruch. Tatsachen und Probleme. Berlin, 1947. S. 105—143.
75. Statistisches Bundesamt (Hg.). Bevölkerung und Wirtschaft 1872—1972. Stuttgart u.a., 1973.
76. Steiner A. Von Plan zu Plan. Eine Wirtschaftsgeschichte der DDR. München, 2004.
77. Steininger R. Westdeutschland ein “Bollwerk gegen den Kommunismus»? Großbritannien und die deutsche Frage im Frühjahr 1946 // Militärgeschichtliche Mitteilungen. 1985. Bd. 38. Heft 2. S. 163—207.
78. Vatter H. G. The German Role in the Early Postwar Revival in Germany. A Reappraisal // Heller F. H., Gillingham J. R. (Hg.). The United States and the Integration of Europe. Legacies of the Postwar Era. N. Y., 1996. P. 145—166.

79. Wandel E. Die Entstehung der Bank deutscher Länder und die deutsche Währungsreform 1948. Die Rekonstruktion des westdeutschen Geld- und Währungssystems 1945—1949 unter Berücksichtigung der amerikanischen Besatzungspolitik. Frankfurt a.M., 1980.
80. Weimer W. Deutsche Wirtschaftsgeschichte: von der Währungsreform bis zum Euro. Hamburg, 1998.
81. Winkel H. Die deutsche Wirtschaft seit Kriegsende: Entwicklung und Probleme. Frankfurt a.M., 1971.
82. Süddeutsche Zeitung. 17. März 2015 [Электронный ресурс] URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/reparationen-deutschlands-fuer-zweiten-weltkrieg-summe-der-schande-1.2395520> (дата обращения: 07.07.2019).

German Reparations after World War II: Political Decisions and Economic Evaluations

R. Boldyrev

*Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
Russian Federation, Arkhangelsk*

S. Nevski

*Lomonosov Moscow State University
Russian Federation, Moscow*

W. Plumpe

*Department of Economic and Social History, Goethe University of Frankfurt am Main
Germany, Frankfurt am Main*

Abstract

In this article, on the basis of declassified archival documents as well as the latest domestic and foreign studies, the authors examine the genesis, development and results of the Allies' reparation policy towards Germany. The history of the institution of reparations was examined from its very origin during the preparation of the Versailles Peace Treaty of 1919, through the development of expert proposals and political discussions within the "Big Three" period of the Second World War, to formalization in the final documents of the Yalta and Potsdam conferences of the 1945. The authors analyze the implementation of the reparation policy by the Soviet Union and the Western powers in the post-war period, identify the differences in practical approaches to the implementation of the Potsdam agreements among them. Economic estimates of the volume of Soviet reparations from East Germany range from 4.3 to 22.1 billion dollars, which can be explained by different calculation methods as well as arbitrary classifications of certain elements of expenditure as reparations. The amount of reparations from West Germany also varies from 4.8 to 16.8 billion dollars, to which Western economists tend to add subsequent compensation payments to Israel and other countries under international treaties as well as individual compensations of the total amount of 17 billion dollars. The authors conclude that while in the Federal Republic of Germany the reparations did not affect the systemically important sectors of the economy and almost did not affect the capital ratio of the industry, in the GDR they struck the basic branches of production. Against this background, the economic recovery of East Germany in the 1950s looks more surprising than the post-war "economic miracle" in Germany.

Keywords: Germany, the German question, reparations, post-war reconstruction, economic policy

Publication date: 15.11.2019

Citation link:

Boldyrev R., Nevski S., Plumpe W. German Reparations after World War II: Political Decisions and Economic Evaluations // ISTORIYA. 2019. V. 10. Issue 9 (83) [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://history.jes.su/s207987840007700-9-1/> (circulation date: 31.12.2019). DOI: 10.18254/S207987840007700-9

